

АНГЛИЙСКИЙ ЛИНГВА ФРАНКА КАК ПРОЕКТ, ПРОЦЕСС И ПРОДУКТ

Бородин Д. С.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского

У статті обговорюється проблема статусу європейської англійської лінгва франка (АЛФ) – мови міжнародного спілкування. Критично аналізується висунута Р. Філіпсоном концепція АЛФ як проекту, продукту і процесу, стверджується роль європейської АЛФ як додаткової, контактної мови, що не має функції ідентифікації і визначається за своєю роллю в міжкультурній комунікації, а не за співвіднесенням з нормами носія АЯ, забезпечуючи рівні комунікативні права всім користувачам.

Ключові слова: європейська англійська, лінгва франка, контактна мова.

В статье обсуждается проблема статуса европейского английского лингва франка (АЛФ) – языка межнационального общения. Критически анализируется выдвинутая Р. Филлипсоном концепция АЛФ как проекта, продукта и процесса, утверждается роль европейского АЛФ как дополнительного, контактного языка, который не обладает функцией идентификации и определяется по своей роли в межкультурной коммуникации, а не по соотношенности с нормами носителя АЯ, обеспечивая равные коммуникативные права всем пользователям.

Ключевые слова: европейский английский, лингва франка, контактный язык.

The problem of the status of English as the European lingua franca (ELF) is discussed in the article. R. Phillipson's concept of ELF as a project, a process and a product is critically analyzed basing on the views of European linguists. It is argued that Euro-English speakers stamp themselves as employing a new variety marked with standardized, regular and accepted features from their native tongues, which makes it a nativised European English. EFL doesn't possess any national identification function but provides its users with equal communication rights for a universal contact language.

Keywords: European English, lingua franca, contact language.

Постановка проблеми. В современном мире английский язык (АЯ) получил статус, который не имеет ни один другой язык. Он повсеместно используется в международных организациях, бизнесе, научном мире, доминирует в Интернете, международных средствах массовой информации, индустрии развлечений, туризме. В условиях возрастающей мобильности людей он сделал проницаемыми для межличностных отношений государственные границы, национальные и культурные различия. АЯ стал необходимой принадлежностью современного мира. По словам Д. Кристалла [3, р. 5, 6], на АЯ говорят как на первом или втором языке более четверти всего населения планеты, и, что еще более важно, в системе образования практически всех неанглоязычных стран он стоит на первом месте как иностранный язык – предмет школьной программы.

В целом, постколониальное распространение АЯ во второй половине 20 в. привело к его дальнейшей дифференциации и появлению многочисленных новых вариантов (New Englishes), используемых в различных языковых сообществах. Соответственно, сложившаяся глобальная языковая реальность стимулировала интерес исследователей [2; 5; 11; 12; 13] к проблемам взаимосвязи новых вариантов с британским и американским вариантами АЯ, роли New Englishes в процессе глобализации современного мира, статуса новых вариантов по отношению к национальным языкам. В широком диапазоне мнений определились полярные позиции тех, кто полностью признает право новых вариантов на независимое существование, и тех, кто считает их формой неоколониальной экспансии АЯ, сопутствующей расширяющемуся влиянию американской культуры, экономики и технологии.

Целью данной статьи является определить узловые моменты в противоположных, на первый взгляд, позициях и показать, что они соотносятся с разными аспектами языковой ситуации, которая складывается в процессе формирования наиболее дискутируемого варианта АЯ – европейского английского лингва франка (ЕАЛФ). **Объект** нашего исследования составляют факторы, обусловившие возникновение и становление европейского английского лингва франка.

Для описания разновидностей АЯ, “английских языков мира” (World Englishes), американский лингвист, по происхождению выходец из индийского штата Кашмир, Брэдж Качру [9] предложил в 1985 г. оригинальную схему распространения АЯ, которая получила всеобщее признание специалистов и до сих пор остается наиболее влиятельной моделью классификации его вариантов.

В модели Б. Качру “английские языки мира” расположены в трех концентрических кругах, где ядро, т. е. внутренний круг (the Inner Circle), включает США, Великобританию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию и другие страны, где АЯ является доминирующим национальным языком. Второй, внешний, круг (the Outer Circle) охватывает исторически связанные с Британской колониальной империей национально-государственные сообщества, где в силу политико-экономических факторов сохраняется важная объединяющая роль АЯ в государственной и общественной структуре: Индию, Нигерию, Пакистан, Сингапур, Южную Африку и др. В третьем, расширяющемся, круге (the Expanding Circle) представлены страны, в которых АЯ изучается как иностранный и используется как инструмент межнациональной и межкультурной коммуникации. К их числу можно отнести и все неанглоязычные страны Европы, включая Украину. Концепция Б. Качру в ее первоначальном виде фактически отразила традиционное понимание АЯ как языка, принадлежащего его носителям, и, как такового, используемого неносителями в качестве второго языка и/или изучаемого иностранного языка. При всей очевидной универсальности модель трех кругов игнорирует основную, глобальную функцию АЯ в современном мире – функцию контактного языка, лингва франка, в международной, межнациональной, межкультурной коммуникации [12, p. 41-42].

Известный английский лингвист, профессор Копенгагенской школы бизнеса Р. Филлипсон [14, p. 278-279], анализируя новые варианты АЯ в целом и ЕАЛФ в частности, в терминах выдвинутой им концепции лингвистического империализма, применяет к ним категории проекта, процесса и продукта. Он представляет английский лингва франка (АЛФ) как проект создания некоего искусственного сообщества, не имеющего территориальных и национальных границ, но якобы объединяющего людей в межнациональных, европейских и глобальных пределах.

Проект АЛФ предполагает наличие общих этических ценностей на основе философии неолиберализма, распространившейся в обществе потребления в условиях языкового неоимпериализма и пропаганды насилия. По мнению Р. Филлипсона [15, p. 278], он не способствует культурному и языковому разнообразию, не обеспечивает равенство и симметрию в межкультурной коммуникации, а, наоборот, является односторонним и агрессивным продвижением английского языка.

АЛФ как процесс осуществляется через построение сообществ людей, изучающих и практикующих АЯ, идентифицирующих себя в качестве коммуникантов, которые пользуются АЯ на межличностном, межкультурном и субкультурном уровнях в различных областях деятельности. Соответственно, они подчиняются коммуникативным поведенческим нормам, которые сопровождаются институциональной легитимацией, а это, в свою очередь, ведет к тому, что АЯ получает статус универсального престижного языка, и ореол престижности распространяется на его носителей. Как следствие, для представителей других языков возникает необходимость изучать АЯ, что ведет не только к появлению дополнительного инструмента общения, но в каких-то случаях и к вытеснению родного языка.

АЛФ как продукт связан с материально-экономическими структурами и институтами и через них – с американской империей. Он идеологически поддерживается всей системой производства и потребления, внедряется в политической и военной областях, образовании, науке, средствах массовой информации под маркой международного, глобального, универсального языка. АЯ рекламируется как престижный код ведущих англоязычных стран, доминирующий во всем мире и вытесняющий другие языки.

Суммируя свои взгляды на природу АЛФ как *проект, процесс* и *продукт*, Р. Филлипсон [14, р. 279] ставит ряд вопросов, которые сводятся к следующему:

Играет ли экспансия АЯ положительную или отрицательную роль в общей языковой ситуации, и не ведет ли она к ослаблению национальных языков?

Какова роль в этом процессе языковой политики в системе образования, и какой вклад в сложившуюся ситуацию могут внести ученые – исследователи АЯ?

Если экспансия АЯ носит глобальный характер, означает ли это, что он отвечает нуждам его пользователей, или же АЯ прежде всего приводит их в орбиту американского империалистического *проекта*?

Хотя позиция Р. Филлипсона недвусмысленно предполагает однозначные ответы на эти вопросы, мы попытаемся дать объективную оценку месту и роли АЛФ как инструмента межкультурной и межнациональной коммуникации, опираясь на анализ работ ведущих европейских исследователей английского лингва франка.

А. Ферс [4, р. 240] в наиболее общем виде определил, что АЯ, используемый как лингва франка, – это контактный язык общения людей, не разделяющих ни национальный язык, ни национальную культуру, но избравших его в качестве иностранного языка коммуникации. Таким образом, он представляет собой дополнительно приобретенную языковую систему, служащую инструментом коммуникации для людей, говорящих на разных национальных языках. Причем, как это постоянно подчеркивают лингвисты, работающие в известном проекте VOICE [18], осуществляемом в Венском университете, одним из таких национальных языков может быть АЯ его носителей, и коммуникативные ситуации с их участием составляют ок. 10% от всего корпуса аудиозаписей проекта VOICE.

Исследователи ЕАЛФ убеждены что, АЛФ – это контактный язык для людей с разными национальными языками, включая и носителей АЯ, когда они участвуют в межкультурной и межнациональной коммуникации. Однако, как подчеркивают многие авторы [1; 2; 7; 8; 15], ЕАЛФ – это уже не тот АЯ, который принадлежит его носителям: он стал собственностью тех, кто придал ему универсальный характер в процессе международной коммуникации. При этом все они утверждают, что ЕАЛФ нельзя считать плохим или ущербным АЯ, т.к. он отличается от АЯ носителей не только по форме, но и по функции и обладает достаточным потенциалом, чтобы достигать предназначенные ему коммуникативные цели. Он может использоваться в широком диапазоне коммуникативных ситуаций – от обмена простыми высказываниями до научной дискуссии. Межкультурная коммуникация на ЕАЛФ определяется не формальными лингвистическими критериями, а такими факторами, как лингвокультурные знания, сотрудничество, аккомодация, открытость к лингвистическим инновациям.

В соответствии с такой трактовкой житель любой европейской страны, говорящий по-английски с носителями другого национального языка, фактически говорит на ЕАЛФ и может приспособить его для достижения своих коммуникативных целей, нестрого ограничивая себя нормами носителя АЯ. Таким образом, ЕАЛФ определяется функционально, т.е. по своему использованию в межкультурной коммуникации, а не по соотносительности с нормами носителя АЯ. Он предполагает равные коммуникативные права для всех своих пользователей. Опираясь на модель распространения АЯ Б. Качру и принимая, что все говорящие на ЕАЛФ относятся к сфере расширяющегося круга, в Таблице 1 представим возможные варианты коммуникативных

ситуаций, в которых используется ЕАЛФ. Условно назовем участников коммуникативных ситуаций – Коммуникант 1 и Коммуникант 2 и обозначим Внутренний круг символом К 1, Внешний круг – символом К 2 и Расширяющийся круг – символом К 3.

Таблица 1.

Варианты коммуникативных ситуаций ЕАЛФ.

	Круг	Коммуникант 1		
		К 1	К 2	К 3
Коммуникант 2	К 1	К 1–К 1	К 1–К 2	К 1–К 3
	К 2	К 2–К 1	К 2–К 2	К 2–К 3
	К 3	К 3–К 1	К 3–К 2	К 3–К 3

Из Таблицы 1 видно, что ЕАЛФ может использоваться как в странах внутреннего и внешнего кругов, так и в странах расширяющегося круга при условии, что один из коммуникантов является жителем европейской страны (К 3 – К 1 и К 3 – К 2) или оба относятся к этой категории (К 3 – К 3).

Является ли ЕАЛФ языком-агрессором и вытесняет ли он национальные языки из традиционных сфер функционирования? ЕАЛФ соотносится с другими языками в трех плоскостях.

Во-первых, он возникает и развивается в многоязычном контексте Европейского Союза, что изначально предполагает необходимость межкультурного и межнационального общения, в рамках которого соотношение языков не является чем-то раз и навсегда закрепленным. Посмотрим, например, как изменилось соотношение языков, на которых составляются документы Евросоюза (17):

	Французский	Немецкий	Другие	Английский
1970	60%	40%	0%	нет
1996	38%	5%	12%	46%
2004	26%	3%	9%	62%
2006	14%	3%	11%	72%

Эти цифры говорят не о целенаправленном проекте по внедрению АЯ в практику документов Евросоюза, а о динамике удовлетворения потребностей тех, кому эти документы предназначаются.

Во-вторых, он подвергается естественному влиянию других языков [9; 11; 14] на всех уровнях языка (фонологическом, лексико-грамматическом и прагматическом). Будучи инструментом межнациональной и межкультурной коммуникации, он выступает как один из нескольких компонентов набора языковых кодов коммуникантов и участвует в переключении кодов, характерном для межкультурных коммуникативных ситуаций, в качестве языка-партнера, а не языка-агрессора.

В-третьих, ЕАЛФ используется коммуникантами, представляющими самые разные типы национальной, региональной, локальной культурной идентичности [7]. Они могут дополнять свой АЛФ специфическими характеристиками своего произношения, лексико-грамматической системы и т. п., но сам ЕАЛФ таких характеристик не имеет – это язык для коммуникации, а не для идентификации.

Ведет ли распространение ЕАЛФ к ослаблению национальных языков? Ответим на этот вопрос на примере использования ЕАЛФ в Интернете. В рамках одного из спонсируемых ЮНЕСКО проектов [17] был проведен опрос постоянно пользующихся Интернетом студентов в странах Азии, Африки и Европы о том, каково соотношение времени, проводимого ими на англоязычных сайтах и сайтах на национальных языках. В Таблице 2 приводятся данные по пяти европейским странам, к которым мы добавили данные по украинским студентам из отчета о деятельности проекта DYLAN (16), финансируемого Евросоюзом.

Таблиця 2.

Соотношение времени, проводимого студентами на англоязычных сайтах и сайтах на национальных языках.

Страна	Процент времени пользования Интернетом на национальном языке	Процент времени пользования Интернетом на английском (ЕАЛФ)
Италия	91% (итальянский и др.)	17%
Франция	86% (французский и др.)	29%
Польша	84% (польский и др.)	49%
Украина	82% (украинский, русск.)	77%
Финляндия	51% (финский и др.)	81%
Македония	13% (македонский, др. не указаны)	84%

Примечание: эти цифры составляют меньше или больше 100%, т. к. опрашиваемые, как правило, пользовались в течение одной Интернет-сессии несколькими языками.

Модели посещений студентами англоязычных сайтов согласуются с указанными в Таблице 1 коммуникативными ситуациями ЕАЛФ. Опрошенные студенты демонстрируют лингвистическое разнообразие, но привычное утверждение о том, что английский язык доминирует в Интернете, необходимо пересмотреть. Использование ЕАЛФ в Интернете, судя по этим данным, сосуществует с использованием как национальных, так и других европейских языков. Так, итальянцы посещают сайты еще и на немецком и французском, французы – на немецком, поляки – на немецком, французском и русском, финны – на шведском и немецком. Можно утверждать, что в Интернете используются языки тех стран, экономика которых может поддерживать соответствующие сайты. В этом плане величина 13% для македонских студентов свидетельствует о небольшом количестве сайтов на их национальном языке.

Использование ЕАЛФ в Интернете может содействовать языковой переориентации тех, на чьем языке говорят немногие, или тех, чье языковое сообщество не располагает экономическими ресурсами, позволяющими финансировать разработку сайтов на национальном языке. Вопрос о последствиях для менее распространенных языков требует дальнейшего изучения.

Представляется необходимым отметить, что в концепции Р. Филипсона просматривается диахронический подход к проблеме глобального АЯ как результата исторически завершенной колониальной экспансии Британской империи и современного языкового неоимпериализма США. В синхроническом плане, будучи результатом глобального распространения АЯ, АЛФ существует в виде региональных вариантов, которые фактически уже нельзя рассматривать как собственность носителей АЯ. Они принадлежат тем, кто их использует в целях межнациональной и межкультурной коммуникации.

Мы считаем неправомерной трактовку ЕАЛФ как проекта, который направлен на одностороннее и агрессивное продвижение английского языка, т. к. расширение сферы пользования ЕАЛФ, хотя и сопровождается институциональной легитимацией, ведет только к появлению дополнительного инструмента общения, контактного языка, не обладающего функцией идентификации.

Пользователи ЕАЛФ не подчиняются коммуникативным поведенческим нормам носителей АЯ, и АЯ утратил статус универсального престижного языка и ореол престижности, которые он имел в недавнем прошлом. Точно также более не актуален идеологический аспект АЯ как престижного кода ведущих англоязычных стран, доминирующего во всем мире и вытесняющего другие языки.

Распространение ЕАЛФ не ведет к ослаблению национальных языков в пределах их национальных территорий. Тот факт, что АЯ последовательно вытесняет французский и немецкий языки из документации и обихода институтов Евросоюза, объясняется не влиянием

английского языка Великобритании и США, а расширением ЕАЛФ – более удобного в качестве контактного языка, чем его соперники. Исследование отличий ЕАЛФ от АЯ его носителей – долговременная цель лингвистов, работающих в этом направлении.

Литература

1. Breiteneder A. The naturalness of English as a European lingua franca: the case of the third person -s” Angelika Breiteneder // VIEWS. – 2005. – N 14/2. – P 3-26. [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://www.univie.ac.at/Anglistik/Views0502ALL.pdf>.
2. Cogo A., Dewey M. Efficiency in ELF communication: from pragmatic motives to lexico-grammatical innovation / Alessia C., Dewey M. // Nordic Journal of English Studies. – 2006. – N 5/2 – P. 59-93. [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://hdl.handle.net/2077/3148>.
3. D. English as a Global Language /. – Cambridge: Cambridge University Press, 2 edition, 2003. – 228 p.
4. Firth A. The discursive accomplishment of normality: on ‘lingua franca’ English and conversation analysis / Alan Firth // Journal of Pragmatics. – 1996. – Vol. 26. – P. 237-259.
5. Gnutzmann C. Lingua franca” / Claus Gnutzmann // Byram, Michael (ed.). Routledge encyclopedia of language teaching and learning. – London: Routledge, 2004. – P. 356-359.
6. House J. A stateless language that Europe must embrace / Juliane House // The Guardian Weekly, 2001, 19 April. [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://www.guardian.co.uk/GWeekly/Story/0,3939,475288,00.html>.
7. Hülmbauer C. “You moved, aren’t?” The relationship between lexicogrammatical correctness and communicative effectiveness in English as a lingua franca / Cornelia Hülmbauer // VIEWS. – 2007. – N 16/2. – P. 3-35. [Электронный ресурс] Режим доступа : http://www.univie.ac.at/Anglistik/Views_0702.pdf.
8. Hülmbauer C., Böhringer H., Seidlhofer B. Introducing English as a lingua franca (ELF): Precursor and partner in intercultural communication // Cornelia Hülmbauer, H. Böhringer, B. Seidlhofer // [Cali Ch.; Stegu M.; Vetter E.]. Enseigner – apprendre – utiliser le français langue internationale en Europe aujourd’hui: pour une perspective comparatiste. – Synergies Europe. – 2009. – Vol.3/09. – P. 25-36. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ressources-cla.univ-fcomte.fr/gerflint/Europe3/hulmbauer.pdf>.
9. Kachru B. B. Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle / Braj B. Kachru // Quirk R., Widdowson H. (Eds.) English in the world: Teaching and learning the language and literatures. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – P. 11-36.
10. Klimpfinger T. “Mind you sometimes you have to mix” – The role of code-switching in English as a lingua franca / Theresa Klimpfinger // VIEWS – 2007. - N 16/2. – P. 36-61. [Электронный ресурс] Режим доступа : http://www.univie.ac.at/Anglistik/Views_0702.pdf.
11. Mauranen A. English as lingua franca: An unknown language? / Anna Mauranen // Cortese, G. Duszak A. Identity, community, discourse. English in intercultural settings. – Bern: Peter Lang, 2005. – P. 269-293.
12. Mollin S. English as a Lingua Franca: A New Variety in the New Expanding Circle? / Sandra Mollin // Nordic Journal of English Studies. – 2006. – Vol. 5, No. 2. – P. 41–57.
13. Mondada L. Ways of doing being plurilingual in international work meetings / Lorenza Mondada // Gardner R., Wagner J. Second language conversations. – London : Continuum, 2005. – P. 18-39.
14. Phillipson R. Lingua franca or lingua frankensteinia? English in European integration and globalisation / Robert Phillipson // World Englishes – 2008. – Vol. 27/2. – P. 250-284.
15. Seidlhofer B. Closing a conceptual gap: the case for a description of English as a lingua franca / Barbara Seidlhofer // International Journal of Applied Linguistics. – 2001. – Vol. 11. – P. 133-158.

Источники иллюстративного материала

16. Francathe European FP6 project DYLAN – Language Dynamics and Management of Diversity, Research task 4.2 ‘Emergent varieties’, 2009. [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://dylan.univie.ac.at/>.
17. Wright S. Language on the Internet / Sue Wright // MOST and Initiative B@bel funded research: Language on the Internet 18 July 2008. [Электронный ресурс] Режим доступа : portal.unesco.org/ci/en/files/18255/...internet.../language_internet_en.rtf.
18. VOICE. 2009. The Vienna-Oxford International Corpus of English (version 1.0 online) / Director: Barbara Seidlhofer; Researchers: Angelika Breiteneder, Theresa Klimpfinger, Stefan Majewski, Marie-Luise Pitzl.